

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была бабушка-задворенка, и было у нее три внука: два умника, а третий — дурак-дураком.

День-деньской лежит дурак на печи под тулупом
и орешки щелкает.

Собрались раз братья на ярмарку и говорят:
— Ты, Емеля, на печи не залеживайся, бабке по хозяйству помогай, а мы тебе за это с ярмарки привезем наряд — не крестьянский, не купеческий, а боярский.

У

ехали братья, бабка Емеле и говорит:

— Емеля, а Емеля! Слезай-на с печи, пойдн на реку, принеси-на два ведра воды!

— Не пойду, я ленюсь! На дворе мороз, на печи тепло,— я хочу щи хлебать.

— Эх, Емеля, Емеля! Какие же щи, когда в доме воды ни ковша нету. Принесешь воды, наварю тебе щей.

Емеля с боку на бок перевернулся, встал-потянулся,
надел тулупчик, взял ведра, пошел на реку.

Поставил ведра на лед, стоит, в прорубь смотрит, маковку чешет. Вдруг видит — в проруби щука. Изловчился Емеля, ухватил щуку да и вытащил. А щука ему человеческим голосом:

— Емеля, что ты со мной делать-то будешь?

— Бабке отдам, она из тебя жирную уху сварит.

Взмолилась тут щука зубастая.

— Емелюшна, не отдавай меня бабке, не вари из меня жирную уху, отпусти меня к малым детушкам, щукеня-тушкам, а за это — все, что захочешь, все тебе будет. Скажи только „по щучьему веленью, по моему прошенью!“

А Емеля глуп-глуп, а хитер.

— Я, — говорит, — раньше испробую... Неохота вот ведра в гору нести. По щучьему веленью, по моему прошенью, отправляйтесь, ведра, сами во двор!

Ведра как вскочат, да как пошли, как пошли
в гору, в гору, в сени, в избу, на лавку стали и воды
не расплескали. Видит Емеля — правда. Выпустил
щуку зубастую.

День прошел, другой пробежал, бабка и говорит:
— Емеля, слезай с печи, наколи-ка мне дров.
— Не хочу. Я ленюсь! На дворе мороз, на печи тепло.
— Да как же на печи тепло будет, — говорит бабка, —
когда в доме ни полена дров!

Потянулся Емеля, с боку на бок перевернулся и говорит:

— По щучьему веленью, по моему прошенью, отправляйся, топор, во двор, наколи, топор, дров.

Рыснул топор из-под лавки, побежал во двор,
стал дрова колоть.

Дрова в черед становятся, друг за дружкой в избу бегут, которые в печку, которые под печку ложатся. А Емеля лежит на печи под тулупом, орешки щелкает.

Вот недели пролетели, бабна и говорит:
— Поезжай-на, Емеля, в лес! Во дворе ни полена
не осталось.
— Не поеду, — Емеля в ответ. — На печи тепло,
на дворе мороз.
А бабна ему:
— Эх, Емеля, Емеля! Без дров и на печи мороз будет.

Вот Емеля с боку на бок перевернулся, встал-
потянулся, выкатил из сарая сани, бросил на сани
веревку, топор да пилу, сел сам, а лошадь не запрягает.

— **О**творяй, бабка, ворота!
— Ты что, Емеля! В уме? У тебя ведь лошадь
не запряжена!
— Отворяй! — кричит.
Плюнула бабка, отворила ворота, а Емеля шепотком:
— По щучьему веленью, по моему прошенью, отправ-
ляйтесь, сани, сами в лес.

Сани как сорвутся с места, да как побегут — без лошади, сами, только оглобли торчат, да снег под полозьями поскрипывает. Весь народ кругом всполошился.

Прибежали сани в лес. Пила напилила, топор
наколоч, дрова сами на сани легли, сами веревкой
завязались, так и домой приехали.

Прослышал про это царь. Захотелось ему на Емелю
посмотреть. Послал он за ним старого генерала.

Пришел генерал в избу с солдатами, закричал, залютовал:

— Здесь ли Емеля-дурак живет? Одевайся, дурак! Обувайся, дурак! Поедешь, дурак, к царю.

— Не поеду, — говорит Емеля. — Я ленюсь.

Велел генерал Емелю силой взять.

Емеля и говорит шепотком:

— По щучьему веленью, по моему прошенью, выскочи, дубинка, из-под лавки да прогладь хорошенько генерала!

Выскочила дубинка из-под лавки и стала генерала проглаживать. Генерал кричит, по избе скачет, в сени бежит. Тут дубинка его до самого дворца довела, все по плечам оглаживала.

А царю все Емелю повидать хочется. Послал он за ним старого солдата.

— Не привезешь Емелю, — говорит, — тебе голову срублю.

Шошел солдат в лавку, накупил сластей-гостинцев и отправился к Емеле.
— Здесь ли Емельян Иванович живет? — спрашивает.

Предлагает Емеле покушать пряников, пососать леденчиков. Емеля леденчиков пососал и маковых пожевал. Солдат и говорит:
— А что, Емельян Иванович, пойдем со мной к царю.
— Не пойду! Я ленюсь. Да на дворе мороз, а на печи тепло.

Не пойдешь — царь с меня голову снимет. Пожалей ты меня, старика, пожалей моих малых внученек.

Жалко стало Емеле старого солдата, да неохота с печи в мороз слезать.

— Открой-на дверь пошире, — говорит. — По щучьему веленью, по моему прошенью, отправляйся, печка, к царю во дворец!

Печь как крякнет, да как повернется, из стены вылезла, и пошла, и пошла!..

Огонь в печи горит, котел в печи кипит, каша варится, говядина жарится, а на печи, на девятом кирпичи Емеля лежит, орешки щелкает.

Ввалилась печка к царю во двор. Вышел царь на крыльцо.

— Хе! хе! хе! — говорит он. — Вот и Емеля-дурак. Иди, дурак, но мне жить, меня, царя, потешать.

А Емеля ему в ответ:
— Не хочу! Я ленюсь. Да и ты мне не нравишься. Гостя звать — принять, за стол посадить, а ты все: „дурак, дурак,“ дураком честишь? Сам невежливый, генералы твои неучтивые. По щучьему веленью, по моему прошенью, отправляйся, печь, домой!

Шечь как крякнет, как повернется, царя боком как толкнет, в него щами как плеснет!.. И пошла... И пошла... Со двора на улицу, с улицы в деревню, к себе домой.

В угол стала, будто век так стояла. Лежит Емеля на печи, на девятом кирпичи и орешки щелкает.

А тут и братья приехали. Привезли Емеле синий колпак, красный кафтан, ясные сапоги.

Обулся Емеля, нарядился Емеля и пошел по лесам-полям гулять.

Летит птица синица. Летит, кричит:
— Синь колпак, синь колпак!
А Емеля думает:
— Скинь колпак, скинь колпак!
Взял и скинул колпак.

Летит вороненок и кричит:
— Красный кафтан! Красный кафтан!
А Емеля думает:
— Краденый кафтан! Краденый кафтан!
Взял и скинул кафтан.

Летит птица чиж, кричит:
— Ясны сапоги! Ясны сапоги!
А он думает:
— Грязные сапоги! Грязные сапоги!
Взял и сапоги сбросил.

Вернулся домой ни с чем. С той поры полно
Емеле по лесам-полям гулять. Лежит теперь на печи,
на девятом кирпичи и орешки щелкает.

КОНЕЦ

Художник
Э. АНТОХИН

Редактор
Т. СУХОСТАВСКАЯ

Украинозроника, Киев-133, Щорса, 18
Госкино СССР
1983 г. Цена 30 коп.